

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-8>

УДК 332.14

JEL R58

О. В. Кузнецова

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, г. Москва, Российская Федерация

Экономическая дифференциация и восприимчивость муниципалитетов российской Арктики к федеральным преференциальным режимам¹

Аннотация. Объектом современной российской федеральной арктической политики является Арктическая зона РФ (АЗРФ) как единый макрорегион. Однако АЗРФ внутренне неоднородна, и единая для всей АЗРФ арктическая политика может приводить как к сокращению, так и нарастанию дифференциации входящих в АЗРФ муниципальных образований (муниципалитетов). Поэтому в рамках дальнейшего совершенствования федеральной пространственной политики должны проводиться оценки дифференциации муниципалитетов и востребованности в них федеральных мер поддержки инвесторов, и такие оценки проводятся в данной статье. Для выявления дифференциации муниципалитетов предлагается использовать новый показатель – доли социальных и других выплат населения в их сумме с налогооблагаемыми денежными доходами физических лиц и индивидуальных предпринимателей, который, в отличие от традиционно используемых показателей заработной платы, адекватнее отражает доходы населения и не искажается территориальными различиями в уровне цен. Значение предложенного показателя по АЗРФ варьирует от 5 % в муниципалитетах с активно развивающейся газодобычей до более чем 50 % в периферийных районах. Пониженная доля социальных выплат характерна для агломераций региональных «столиц», муниципалитетов с развитой промышленностью или значимыми морскими портами. Оценка восприимчивости муниципалитетов к федеральным преференциальным режимам основывается на авторской обработке реестров резидентов таких режимов – распределении резидентов по муниципалитетам АЗРФ. Показано, что инвесторов привлекают, прежде всего, крупнейшие городские агломерации европейской части АЗРФ (Архангельская и Мурманская – около половины всех резидентов АЗРФ), тогда как на периферийные муниципалитеты влияние преференциальных режимов минимально или вообще отсутствует (в пятой части муниципалитетов по итогам трех лет не оказалось ни одного резидента АЗРФ). Такая ситуация будет способствовать нарастанию диспропорций в экономическом развитии муниципалитетов АЗРФ, поэтому в рамках госполитики должны предусматриваться разные меры поддержки разных типов муниципалитетов, обоснование которых необходимо в рамках дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: Арктика, муниципальные образования, население, налогооблагаемые денежные доходы, социальные выплаты, федеральная пространственная политика, преференциальный режим

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Для цитирования: Кузнецова, О. В. (2024). Экономическая дифференциация и восприимчивость муниципалитетов российской Арктики к федеральным преференциальным режимам. *Экономика региона*, 20(2), 462-476. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-8>

¹ © Кузнецова О. В. Текст. 2024.

Economic Differentiation of Municipalities of the Russian Arctic and their Receptivity to Federal Preferential Treatment

Abstract. The modern Arctic policy of Russia focuses on the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF) as a single macroregion. However, since the Russian Arctic is internally heterogeneous, a common Arctic policy can either increase or decrease the differentiation of municipalities. Therefore, to improve federal spatial policy, it is necessary to assess the differentiation of Arctic municipalities and their receptivity to federal support measures for investors. To this end, the study proposes a new indicator, namely, the share of social and other benefits to the population in the sum of social benefits and taxable income of individuals and individual entrepreneurs. Unlike traditional wage indicators, the proposed indicator adequately reflects the income of the population and is not distorted by territorial price differences. This indicator for the AZRF varies from 5 % in municipalities with accelerated gas production to more than 50 % in peripheral areas. A reduced share of social benefits is typical for agglomerations of regional capitals, industrially developed municipalities or important seaports. The receptivity of municipalities to federal preferential treatment is analysed based on the author's processing of resident registers (distribution of residents by Arctic municipalities). According to the results, investors are primarily attracted to the largest urban agglomerations of the European Russian Arctic (about half of residents of the Russian Arctic are in Arkhangelsk and Murmansk agglomerations), while the impact of preferential treatment on peripheral municipalities is minimal or non-existent (there were no residents of the Russian Arctic in approximately 20 percent of municipalities in three years). Such a situation will increase the imbalance in economic development of Arctic municipalities, therefore, state policy should provide various measures to support different municipalities, which should be substantiated in further research.

Keywords: Arctic, municipalities, population, taxable income, social benefits, federal spatial policy, preferential treatment

Acknowledgements: *The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (the project No. 23-18-00180 "Multivariety of determinants and trends of economic dynamics of Russian municipalities: conceptualization, identification and typologization in the interests of state regulation of spatial development") in the Institute of Economic Forecasting of RAS.*

For citation: Kuznetsova, O. V. (2024). Economic Differentiation of Municipalities of the Russian Arctic and their Receptivity to Federal Preferential Treatment. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 20(2), 462-476. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-8>

Введение

Арктика (точнее, Арктическая зона Российской Федерации — АЗРФ) в основном документе федеральной пространственной политики России — Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года¹ — названа одним из приоритетных геостратегических регионов России. Приоритетность Арктики для федеральных властей подкрепляется и многочисленными решениями по ее социально-экономическому развитию, в частности, есть стратегия развития АЗРФ², действует

государственная программа социально-экономического развития АЗРФ³, внедрены меры поддержки предпринимательской деятельности в АЗРФ, основная из которых фактически превратила АЗРФ в огромную особую экономическую зону⁴. Вместе с тем в Стратегии про-

www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=E16ECE5E20059F4B7C4DA87F3F5432FE&mode=searchcard&rnd=BDFD594035488C03C9DE9F4D78807AFC&base=LAW&n=440485#kmPuyAUesDuS86155 (дата обращения: 01.10.2023).

³ Постановление Правительства РФ от 30.03.2021 № 484. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=D95417F02E892B3468C7F7B5D05BD10A&mode=searchcard&rnd=BDFD594035488C03C9DE9F4D78807AFC&base=LAW&n=464315#oDqvyAUM54jISqH21> (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне РФ. Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=6D80D7F1F45C09F5090E05683FFF71D0&mode=searchcar>

¹ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=44C9C76C63219113C5588AB682AA9223&mode=searchcard&rnd=BDFD594035488C03C9DE9F4D78807AFC&base=LAW&n=428211#ju4vyAU22NwLcbj2> (дата обращения: 01.10.2023).

² О Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=6D80D7F1F45C09F5090E05683FFF71D0&mode=searchcar>

странственного развития РФ говорится о необходимости проведения федеральной политики не только в отношении крупных макрорегионов (а объектом федеральной арктической политики является, прежде всего, АЗРФ в целом), но и субъектов Федерации и муниципальных образований. Конечно, в отдельных федеральных нормативно-правовых актах (включая Стратегию развития АЗРФ) можно найти привязанные к отдельным арктическим территориям объекты (прежде всего инфраструктурные), но в целом учет разнообразия арктических территорий в них не просматривается. Эта проблема уже была поднята и в ряде аспектов рассмотрена в работе (Пилясов & Потураева, 2021). Однако муниципальная проблематика в общей арктической тематике еще далеко не в полной мере разработана, в т. ч. в части оценки влияния текущей федеральной политики на экономическое развитие муниципальных образований, что и определяет актуальность данной статьи, объектом исследования в которой являются именно муниципалитеты АЗРФ.

Конечная цель статьи — провести оценки развития экономики муниципалитетов АЗРФ с точки зрения интересов дальнейшего становления федеральной пространственной политики в Арктике. Для этого в статье решаются две задачи. Во-первых, проводится диагностика экономической дифференциации арктических муниципалитетов с помощью нового предложенного нами показателя. Конечно, одного показателя (как и статистики в целом) недостаточно для получения полной картины происходящего в Арктике, нужны полевые исследования (Пилясов, 2018), но у федеральных властей должны быть и простые формализованные инструменты мониторинга ситуации. Во-вторых, мы показываем, в какой мере внедренные федеральными властями преференциальные режимы ведения хозяйственной деятельности в АЗРФ оказываются востребованными в разных арктических муниципалитетах, что важно с точки зрения оценки вклада федеральной арктической политики в снижение межмуниципальных различий. Ранее такой анализ не проводился.

Обзор литературы

Социально-экономическое развитие Арктики является одной из активно разрабатываемых в научных исследованиях тем. Все мно-

гообразии таких работ в рамках деятельности российских академических институтов было показано в (Порфирьев (ред.), 2018), уже после выхода этой книги появился целый ряд других публикаций, включая монографические (Лаженцев, 2022; Пилясов (ред.), 2022; Пилясов (2023); Скуфьина & Корчак (ред.), 2021; Фаузер и др., 2022; Цукерман (ред.), 2022). Особенности и проблемы государственной арктической политики также уже анализировались в научной литературе (Казакова & Климанов, 2022; Корчак & Серова, 2019; Пилясов, 2023), в том числе в части преемственности советской и российской арктической политики (Тимошенко, 2011); особо можно отметить цикл статей В.Н. Лексина и Б.Н. Порфирьева (Лексин & Порфирьев, 2019; Лексин & Порфирьев, 2021a; Лексин & Порфирьев, 2021b; Лексин & Порфирьев, 2022).

Основная особенность существующего пласта научных исследований в том, что в большинстве из них, как и в рамках федеральной арктической политики, Арктика рассматривается как единый макрорегион, тогда как ее внутренней дифференциации внимания уделяется гораздо меньше. Вместе с тем, накопленный в мире и России опыт говорит о том, что национальная пространственная политика должна быть полимасштабной, т. е. при решении задач пространственного развития объектами национальной политики должны быть макрорегионы, регионы и муниципалитеты (Кузнецова, 2022). При этом несмотря на дискуссионность пропорций распределения средств национального бюджета между центрами роста и отстающими территориями оптимальных подходов к подъему экономики проблемных территорий, в конечном итоге все равно подразумевается та или иная степень сближения территорий по показателям их социально-экономического развития (Кузнецов & Кузнецова (ред.), 2015; Garcilazo & Martins, 2020).

Добавим также, что за рубежом ситуация с национальной арктической политикой схожая: основное внимание уделяется арктическим территориям в целом¹, однако стали обсуждаться и проблемы, связанные с неравномерным влиянием принимаемых для поддержки Арктики мер на разные ее территории².

¹ Arctic Policies Database. Arctic Portal.org. URL: <https://arcticportal.org/arctic-governance/arctic-policies-database> (дата обращения: 20.12.2023).

² Overview of EU actions in the Arctic and their impact. European Commission, 2021. URL: <https://eprd.pl/wp-content/uploads/2021/06/EU-Policy-Arctic-Impact-Overview-Final-Report.pdf#page=126> (дата обращения: 20.12.2023);

Во всем многообразии существующих исследований по АЗРФ для нас особое значение имеют те, в которых проводятся оценка социально-экономического развития и типологизация арктических муниципалитетов, поскольку на выводы именно таких работ можно опираться при интерпретации новых результатов расчетов. Во-первых, можно отметить работы, связанные с анализом демографической ситуации. В (Фаузер и др., 2017) была проведена оценка дифференциации арктических муниципалитетов по численности населения, его плотности, соотношению городского и сельского населения, при этом особое внимание было уделено контрастам между европейской и азиатской частями АЗРФ. В (Ковалева, 2021) анализировались миграционные тенденции, были выделены два типа муниципалитетов — стабильные / растущие и теряющие население территории. В обоих типах были выделены муниципалитеты с населением более и менее 40 тыс. чел., с интенсивной и малоинтенсивной миграцией. Есть пример и более сложного исследования — разработки методики оценки общественного здоровья в муниципалитетах (Душкова и др., 2019), однако апробировать ее удалось только на примере Архангельской области.

Во-вторых, есть ряд исследований по оценке экономической ситуации в арктических муниципалитетах. В (Захарчук & Трифонова, 2018) анализировалась обеспеченность территорий — населения, государственного сектора, промышленности — финансовыми ресурсами с помощью таких показателей, как средний размер оплаты труда, удельная бюджетная обеспеченность муниципалитета и удельные инвестиции соответственно. В (Захарчук, 2019) была предложена методика расчета валового муниципального продукта, основанная на данных Росстата по численности работников организаций и фонду заработной платы.

В-третьих, интересны работы, связанные с разработкой типологий арктических муниципалитетов. В (Шакирова и др., 2022) типология проведена по шести основаниям:

- 1) специализации экономики;
- 2) обеспеченности инфраструктурой;
- 3) сети расселения и освоенности территории;
- 4) уровню развития городской сети и территориальной близости к центрам экономического развития;

EU regional policy in the Arctic. European Parliament, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729464/EPRS_BRI\(2022\)729464_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729464/EPRS_BRI(2022)729464_EN.pdf) (дата обращения: 20.12.2023).

5) климатическим условиям;

6) распространению многолетней мерзлоты.

По сочетанию этих признаков, в немалой степени взаимосвязанных, были выделены четыре группы муниципалитетов — от имеющих относительно благоприятные климатические условия и транспортную доступность, развитую городскую сеть и специализирующихся на обрабатывающей промышленности до транспортно изолированных, с крайне неблагоприятными климатическими условиями, сплошной вечной мерзлотой, без городских населенных пунктов и специализирующихся на добыче полезных ископаемых.

Другая типология, носящая комплексный характер и опирающаяся не только на количественные, но и качественные характеристики, была предложена в (Пилясов & Потураева, 2021). Авторами отдельно рассматривались городские округа (с выделением «подлинных» городов и «квазигородских» округов) и муниципальные районы (городские, агропромышленные сельские, сельские «национальные» с крупными городскими центрами, национальные с недооформленными городскими центрами, классические сельские).

Особый тип среди арктических муниципалитетов, как и в других российских регионах, составляют приморские, являющиеся наряду с ключевыми городами местами притяжения населения и экономической активности. В (Дружинин & Лялина, 2020) наряду с собственно приморскими муниципалитетами (а таких в АЗРФ немало) было предложено также выделять тяготеющие к морю и обладающие «морскими» функциями (Архангельск и Нарьян-Мар) и тяготеющие к приморским городским агломерациям (Новодвинск в Архангельской области).

Отдельно можно также отметить ряд исследований по арктическим городам: оценке их жизнестойкости (Пилясов & Молодцова, 2021), по характеру их взаимосвязи с окружающей территорией (Гончаров и др., 2021), а также по моногородам, включая вопросы их государственной поддержки (Плисецкий & Малицкая, 2017; Корчак, 2023). Появление таких работ неслучайно, поскольку федеральная поддержка моногородов (не только арктических) — это фактически единственное направление региональной политики федеральных властей, объектом которого являются муниципальные образования, а не регионы или макрорегионы. Другое дело, что на фоне других инструментов федеральной арктической политики поддержка арктических моногородов не имеет большого значения.

Данные и методы

Рассматривая федеральную арктическую политику, необходимо, прежде всего, отметить, что границы Арктики как объекта такой политики, как это ни парадоксально, однозначно не определяются. Существует, причем не раз корректировавшийся, Указ Президента РФ № 296 от 2 мая 2014 г. о сухопутных территориях АЗРФ, и именно в этих границах АЗРФ отнесена к приоритетным геостратегическим территориям в Стратегии пространственного развития РФ, тогда как в федеральном законе о господдержке предпринимательской деятельности в АЗРФ включено большее число муниципалитетов. Обоснование границ АЗРФ — тема отдельных исследований (Татаркин и др., 2015). В рамках нашей работы мы рассматриваем границы АЗРФ в соответствии с указанным федеральным законом, поскольку именно его результаты мы анализируем.

Мы проводим оценки по трем типам муниципальных образований (условно «верхнего» уровня) — городским округам (ГО), муниципальным округам (МО) и муниципальным районам (МР), и не рассматриваем «низовой» уровень муниципалитетов, то есть городские и сельские поселения, поскольку не во всех регионах сохранился поселенческий уровень местного самоуправления и, главное, используемые нами статистические данные по поселениям не публикуются. В тех субъектах РФ, которые в АЗРФ вошли не полностью, границы АЗРФ определены в основном по сетке муниципалитетов именно «верхнего» уровня. Единственное исключение — Енисейский МР в Красноярском крае, в котором в АЗРФ входит 10 сельских поселений из 23, но на эти 10 поселений приходится 50 % жителей района и в их число входит поселок Тура, являющийся центром района. Мы рассматриваем Енисейский МР в целом, и при таком подходе арктическими оказывается 75 муниципальных образований «верхнего» уровня с ЗАТО (которые мы в силу отсутствия статданных не учитываем) и 70 муниципалитетов без ЗАТО (все 5 ЗАТО расположены в Мурманской области). В течение рассматриваемого нами периода (с 2012 г.) границы арктических муниципальных образований принципиальным образом не пересматривались, но менялся статус муниципалитетов (например, с МР на ГО, с ГО на МО)¹.

¹ В статье статус муниципалитетов приводится в соответствии с актуальной публикацией Росстата — статбюллетенем «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года».

Традиционно исследования по российским муниципалитетам (включая рассмотренные выше) проводятся на основе статистики Базы данных показателей муниципальных образований (БД ПМО) Росстата², в которых приводятся данные без субъектов малого предпринимательства. Однако такие оценки оказываются приблизительными в силу не только отсутствия учета малого бизнеса, но и явного недоучета других категорий организаций. Это показывает сравнение суммарной численности работников организаций по муниципалитетам с публикуемыми тем же Росстатом данными по численности занятых по субъектам РФ и в малом бизнесе: в муниципальной статистике не отражается весьма существенная часть занятых в экономике. При этом численность занятых на крупных и средних предприятиях (и отражаемых, соответственно, в статистике БД ПМО Росстата) зависит от степени суровости природно-климатических условий, в регионах с относительно благоприятным климатом это лишь порядка половины занятых в экономике муниципалитетов (табл. 1).

Другая проблема муниципальной статистики — отсутствие показателя, который позволял бы учитывать дифференциацию муниципалитетов по уровню цен (то есть аналога паритета покупательной способности населения, используемого для межстрановых сопоставлений; эта же проблема до сих пор в полной мере не решена и в отношении российских регионов). Без корректировки на уровень цен можно увидеть в основном лишь рост исчисленных в денежном выражении параметров по мере продвижения на северо-восток страны. Поэтому важен поиск показателей, позволяющих сравнивать муниципалитеты с разным уровнем цен.

На наш взгляд, перспективным направлением в муниципальных исследованиях является использование статистики Федеральной налоговой службы (ФНС), что уже практикуется в научных работах, но пока еще в небольших масштабах. Статистика ФНС, в отличие от данных Росстата, охватывает всех занятых (не считая теневого сектора), все налогооблагаемые доходы населения (а не только заработную плату), характеризует имущество граждан. У статистики ФНС есть свои недостатки, основной из них — отсутствие сведенных по муниципа-

URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 23.09.2023).

² Росстат, <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 15.09.2023).

Таблица 1

Отношение суммарной по муниципальным образованиям субъекта РФ среднесписочной численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) к среднегодовой численности занятых по субъектам РФ

Table 1

The ratio of the total average number of employees of organisations (excluding small businesses) in municipalities of the region to the average annual number of employees in the region

Субъект РФ	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Карелия	52,0	52,2	52,1	52,7	51,4
Республика Коми	62,1	61,3	61,4	63,0	62,3
Архангельская область	55,8	56,8	57,7	59,7	57,8
Мурманская область	61,4	61,5	61,9	66,1	65,4
Ненецкий АО	86,0	87,5	88,8	89,6	87,3
Ямало-Ненецкий АО	72,0	72,2	72,6	76,1	77,5
Красноярский край	50,3	50,4	50,0	51,2	49,5
Республика Саха (Якутия)	60,4	62,8	65,3	64,5	63,8
Чукотский АО	78,9	82,0	80,9	80,3	78,7

Источник: данные по муниципальным образованиям – БД ПМО Росстата, <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения 15.09.2023); данные по субъектам РФ – статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022», https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_Region_Pokaz_2023.rar (дата обращения: 15.09.2023).

литетам данных (по каждому муниципалитету публикуется своя форма отчетности), что делает работу со статистикой ФНС крайне трудоемкой. Из этого правила есть одно важное исключение – с использованием данных ФНС Росстат ежегодно публикует (правда, с более чем годичным временным лагом) сведенные по всем муниципалитетам «верхнего» уровня данные по налогооблагаемым денежным доходам физических лиц и индивидуальных предпринимателей и объемам социальных и других выплат населению (далее – налогооблагаемые доходы и социальные выплаты), в т. ч. в расчете на душу населения¹. Этот показатель пусть и является упрощенным аналогом макроэкономического показателя денежных доходов населения, но гораздо точнее отражает ситуацию в муниципалитетах по сравнению с показателем фонда заработной платы из БД ПМО.

Кроме того, вполне логично предположить, что соотношение налогооблагаемых доходов и социальных выплат может характеризовать уровень социально-экономического благополучия муниципалитета – чем ниже доля социальных выплат в сумме этих выплат и налогооблагаемых доходов, тем благополучнее ситуация в муниципалитете, и наоборот. Конкретные причины повышенной доли социальных выплат могут различаться (это могут быть низкий уровень зар-

плат, повышенная доля лиц пенсионного возраста), но все они так или иначе говорят о существующих проблемах (включая низкий уровень рождаемости, миграционный отток трудоспособного населения). Зависит показатель и от соотношения постоянных жителей и работающих вахтовым методом, доходы которых обычно учитываются по месту работы. Опыт оценок соотношения доходов вахтовиков и проживающего населения существует (Логинов и др., 2020), но применить его ко всем муниципалитетам не представляется возможным. Мы исходим из того, что повышенная доля социальных выплат, независимо от ее причин, является свидетельством проблемности ситуации.

Важное преимущество предлагаемого показателя – доли социальных выплат в общем объеме налогооблагаемых доходов и социальных выплат – в его независимости от уровня цен в регионах / муниципалитетах, что позволяет проводить сравнительный анализ всех арктических муниципалитетов (хотя, конечно, различия между муниципалитетами разных регионов могут в некоторой степени определяться дифференциацией регионального законодательства по социальным выплатам из региональных бюджетов и, соответственно, масштабами выплат из региональных бюджетов). И именно на данный показатель мы и будем опираться в данной статье, причем наличие данных по этому показателю за десятилет-

¹ Росстат, https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_munst.htm (дата обращения: 16.09.2023).

ний период (2012–2021 гг.) позволяет нам также оценить тренды в изменении дифференциации муниципалитетов.

Федеральная арктическая политика в настоящее время включает в себя целый ряд инструментов¹, но для инвесторов наиболее значим распространяющийся на всю АЗРФ особый режим ведения предпринимательской деятельности, предусматривающий налоговые и административные преференции². В самом простом виде оценить его роль для отдельных арктических муниципалитетов мы предлагаем на основе анализа реестра резидентов АЗРФ, в котором указывается их местонахождение. Влияние на развитие муниципалитетов реализуемых резидентами АЗРФ проектов, конечно, зависит от объема вкладываемых в них инвестиций (минимальный объем капложений для получения статуса резидентам небольшой — 1 млн руб. без НДС), но таких данных в реестре резидентов АЗРФ нет. Поэтому будем исходить из предположения, что количество резидентов уже само по себе показывает привлекательность муниципалитетов для предпринимателей, и чем больше резидентов, тем лучше перспективы развития территорий. Дополнительно мы также анализируем реестры резидентов других действующих в АЗРФ преференциальных режимов (территорий опережающего развития, Свободного порта Владивосток), но только уже на отдельных территориях.

Сформированную нами базу данных по распределению резидентов преференциальных режимов мы сопоставляем с результатами проведенной нами оценки уровня социально-экономического развития муниципалитета. Концентрация резидентов в относительно благополучных в настоящее время муниципалитетах при слабом их присутствии в отстающих будет означать, что текущая федеральная арктическая политика способствует нарастанию межмуниципальных различий в пределах Арктики. И, наоборот, повышенное присутствие резидентов в отстающих муниципалитетах будет говорить о перспективах со-

кращения экономической дифференциации муниципалитетов.

Результаты и их обсуждение

Оценка дифференциации муниципальных образований по социальным выплатам и налогооблагаемым денежным доходам

Распределение арктических муниципалитетов по соотношению социальных выплат и налогооблагаемых доходов представлено на рисунке (муниципалитеты сгруппированы по субъектам РФ). Получившаяся картина вполне соответствует сложившимся представлениям о дифференциации муниципалитетов по их социально-экономическому положению. Самые низкие показатели доли социальных выплат в их сумме с налогооблагаемыми доходами (около 5 %) характерны для трех МО Ямало-Ненецкого АО с активно развивающейся газодобычей и заведомо пониженной долей лиц пенсионного возраста (поскольку много вахтовиков), самые высокие (около 52 %) — для двух периферийных, не-приморских МР Карелии и Архангельской области, где население постоянное (по президентскому указу эти районы не входят в АЗРФ). Пониженная доля социальных выплат характерна для региональных центров и входящих в их агломерации районов / округов, для муниципалитетов с развитой промышленностью (чаще добывающей) или значимыми портами (например, Тикси в Булуномском районе или Певек на Чукотке).

Распределение резидентов преференциальных режимов по муниципальным образованиям АЗРФ

В реестре резидентов АЗРФ на конец сентября 2023 г., то есть по итогам ровно трех лет (первый резидент АЗРФ был зарегистрирован 1 октября 2020 г.) оказалось 659 организаций и индивидуальных предпринимателей (это без учета зарегистрировавшихся, но расторгнувших соглашения об осуществлении деятельности на территории АЗРФ). Очевидными лидерами в привлечении резидентов стали Архангельск (127 резидентов) и Мурманск (99 резидентов) с относящимися к их агломерациям муниципалитетами (табл. 2). Суммарно на Архангельск, Северодвинск, Новодвинск и Приморский район приходится 185 резидентов АЗРФ из 193, зарегистрировавшихся в Архангельской области в целом, на Мурманск, ЗАТО Североморск и Кольский район — 135 из 207 в Мурманской области. В Архангельской

¹ Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики, <https://erdc.ru/> (дата обращения: 17.09.2023); Инвестиционный портал Арктической зоны России, <https://investarctic.com/> (дата обращения: 17.09.2023).

² Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=468033A03AAA0688F759674FFA6BEE6C&mode=searchcard&rnd=BDFD594035488C03C9DE9F4D78807AFC&base=LAW&n=472829#pBEHyAUcVYiF9z37> (дата обращения: 15.09.2023).

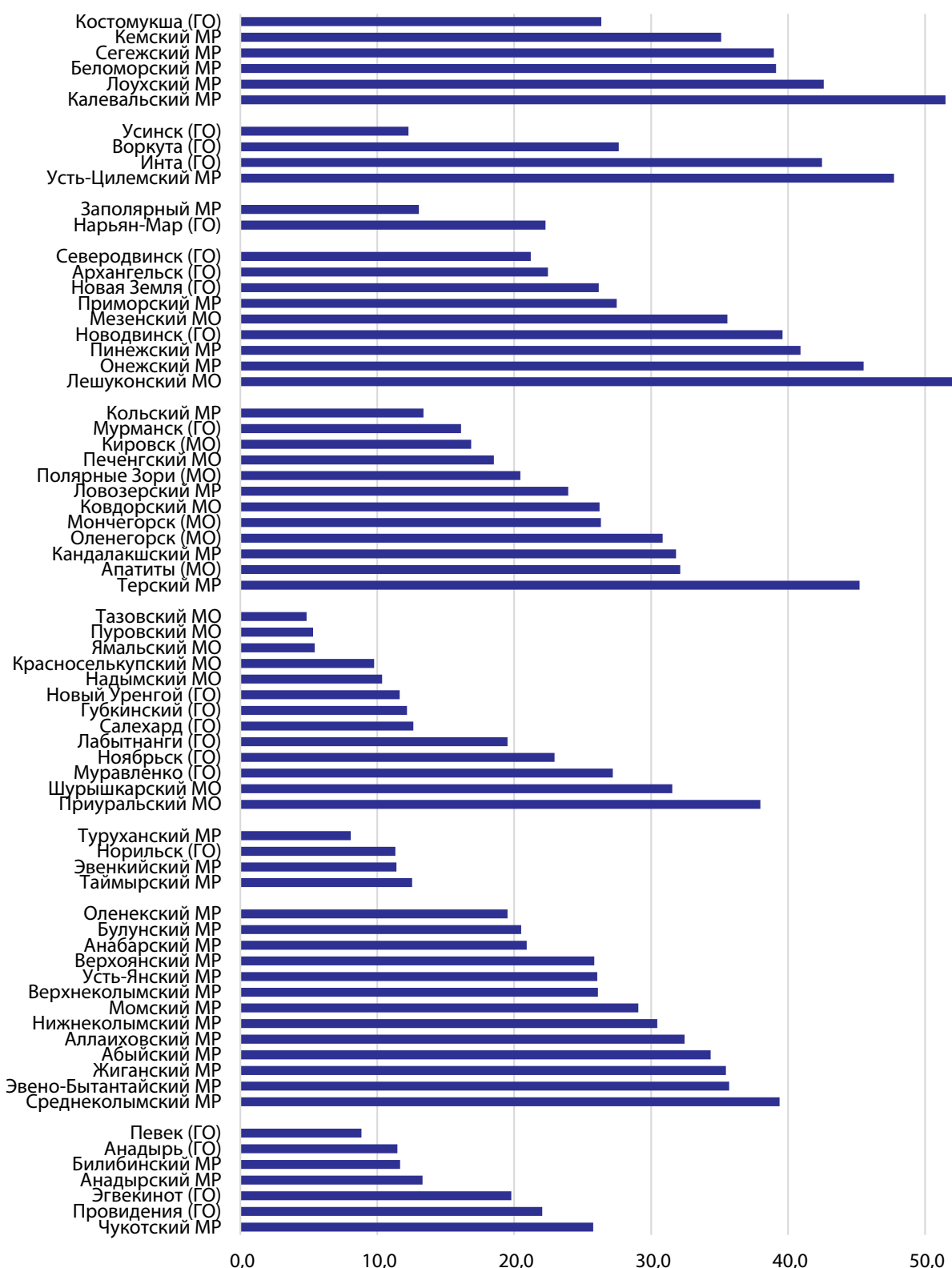

Рис. Доля социальных выплат в сумме социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в 2021 г., % (источник: расчеты автора по данным Росстата, <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения 15.09.2023))

Fig. The share of social benefits in the sum of social benefits and taxable income of the population in 2021, %

области резиденты АЗРФ в очень высокой степени сконцентрированы в самых благополучных муниципалитетах региона (рис., табл.

2). Мурманск и Кольский район также имеют наилучшее соотношение социальных выплат и налогооблагаемых доходов в регионе,

Распределение муниципальных образований АЗРФ по числу резидентов в реестре АЗРФ на конец сентября 2023 г.

Distribution of Arctic municipalities by the number of residents in the register of the Russian Arctic at the end of September 2023

Число резидентов	Муниципальные образования
99-127	Архангельск (ГО), Мурманск (ГО)
34-37	Новый Уренгой (ГО), Северодвинск (ГО), Кольский МР
19-26	Норильск (ГО), Костомукша (ГО), Кировск (МО), Приморский МР
13-15	Печенгский МО, Ноябрьск (ГО), Салехард (ГО), Усинск (ГО)
10-12	Сегежский МР, Воркута (ГО), Лоухский МР, Апатиты (МО), Мончегорск (МО)
8-9	Певек (ГО), Беломорский МР, Кемский МР
6-7	Губкинский (ГО), Надымский МО, Канда拉克шский МР
4-5	Лабытнанги (ГО), Усть-Янский МР, Калевальский МР, Онежский МР, Пинежский МР, Нарьян-Мар (ГО), Пуровский МО, Анадырь (ГО), Билибинский МР
2-3	Инта (ГО), Новодвинск (ГО), Заполярный МР, Таймырский МР, Ковдорский МО, Ловозерский МР, Оленегорск (МО), Терский МР, Муравленко (ГО), Булунский МР, Жиганский МР, Нижнеколымский МР, Анадырский МР
1	Полярные Зори (МО), Тазовский МО, Ямальский МО, Туруханский МР, Эвенкийский МР, Аллаиховский МР, Верхоянский МР, Момский МР, Оленекский МР, Среднеколымский МР
0	Усть-Цилемский МР, Новая Земля (ГО), Лешуконский МО, Мезенский МО, Красноселькупский МО, Приуральский МО, Шурышкарский МО, Абыйский МР, Анабарский МР, Верхнеколымский МР, Эвено-Бытантайский МР, Провидения (ГО), Эгвекинот (ГО), Чукотский МР

Источник: составлено автором по <https://investarctic.com/registry.php> (дата обращения 30.09.2023)

но в Мурманской области сложнее пространственная структура экономики, наряду со столичной агломерацией есть еще ряд сырьевых центров (с добычей полезных ископаемых и их переработкой).

В отношении Мурманска необходимо еще учитывать, что на его территории, а также территории Кольского МР и ЗАТО Видяево создана территория опережающего развития (ТОР) «Столица Арктики»¹, также предусматривающая преференциальный режим для инвесторов (это единственная за пределами Дальнего Востока ТОР, созданная по правилам дальневосточных ТОР, а не ТОР в моногородах). Правда, в ее реестре только 11 резидентов (также на конец сентября 2023 г.)². Множественность мер поддержки инвесторов характерна и для Чукотского АО, который еще до появления преференциального режима АЗРФ попал под действие федеральных мер поддержки дальневосточных

регионов. Так, на территориях ГО Анадырь, Анадырского и Билибинского МР в 2015 г. создана ТОР «Чукотка»³, в которой зарегистрировано 80 резидентов; на ГО Певек распространяется режим Свободного порта Владивосток⁴, в рамках которого зарегистрировано 16 резидентов⁵. Арктические муниципалитеты Якутии также могли бы подпадать под меры поддержки дальневосточных регионов, однако этого не произошло, поскольку ТОР в республике созданы за пределами АЗРФ, режим Свободного порта Владивосток на якутские порты не распространяется.

Концентрация резидентов АЗРФ в Архангельской и Мурманской агломерациях, традиционно являющихся центрами

¹ Постановление Правительства РФ от 12.05.2020 № 656. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=273EA172ADC18706EBF7C6A1E96E733B&mode=searchcard&rnd=BDFD594035488C03C9DE9F4D78807AFC&base=LAW&n=439519#TvixuAUiQYkvdY22> (дата обращения: 29.09.2023).

² Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики, <https://erdc.ru/about-tor/> (дата обращения: 30.09.2023).

³ Постановление Правительства РФ от 21.08.2015 № 876. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=6A3E0EB21435F19351B96D186D006D29&mode=searchcard&rnd=BDFD594035488C03C9DE9F4D78807AFC&base=LAW&n=425796#M8xxuAUiYajMCMPN> (дата обращения: 29.09.2023).

⁴ Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=5942EF53B7A96D2CA2ACD49294282A9C&mode=searchcard&rnd=BDFD594035488C03C9DE9F4D78807AFC&base=LAW&n=457189#KJWyyAUS3wzxGFS21> (дата обращения: 30.09.2023).

⁵ Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики, <https://erdc.ru/about-spv/> (дата обращения: 30.09.2023).

притяжения населения и экономической активности в своих регионах, означает, что действие преференциального режима предпринимательской деятельности способствует усилению внутрирегиональной экономической дифференциации муниципалитетов. По доле социальных выплат в их сумме с налогооблагаемыми доходами Архангельская и Мурманская агломерации не относятся к числу самых благополучных в АЗРФ в целом (т. е. можно было бы говорить о некотором выравнивании межмуниципальной дифференциации в пределах АЗРФ), концентрация резидентов АЗРФ в регионах европейской части в очередной раз показывает гораздо большие возможности диверсификации их экономики по сравнению с восточными регионами. На Архангельскую и Мурманскую области, Карелию, Коми и Ненецкий АО приходится более 3/4 всех резидентов АЗРФ (точнее, 76 %).

Анализ дифференциации всей совокупности арктических муниципалитетов по привлеченным в них резидентам АЗРФ также показывает, что преференциальный режим АЗРФ не может способствовать сокращению дифференциации между муниципалитетами по уровню их экономического развития. В пятой части всех муниципалитетов (14) по итогам трех лет не оказалось ни одного зарегистрированного резидента АЗРФ, еще в 10 муниципалитетах было только по одному резиденту, в 9 — по два резидента. Т. е. на развитие около половины арктических муниципалитетов введение преференциального режима АЗРФ никак или почти никак не повлияло. Большинство этих муниципалитетов (хотя не все) являются периферийными, отличающимися высокой долей социальных выплат в их сумме с налогооблагаемыми доходами. Один из самых ярких примеров — Якутия, где из 13 арктических муниципалитетов в 12 число резидентов от 0 до 2. В Карелии меньше всего резидентов АЗРФ в самом проблемном Калевальском МР, в Республике Коми — аналогично, в Усть-Цилемском, и т. д. Значимый фактор дифференциации муниципалитетов по числу привлеченных резидентов — наличие и людность городов, поэтому отсутствие или крайне небольшое число резидентов АЗРФ характерно также для формально благополучных нефтегазодобывающих муниципалитетов Ямала и севера Красноярского края. Но это опять-таки свидетельствует о крайне ограниченных возможностях диверсификации экономики таких территорий, что также

важно учитывать при определении перспектив их развития.

Изменение экономической дифференциации арктических муниципалитетов за десятилетний период

Если посмотреть на динамику показателя доли социальных выплат в их сумме с налогооблагаемыми доходами за период 2012–2021 гг. (табл. 3), то в целом видна довольно высокая стабильность межрегиональных различий. Прежде всего, можно отметить, что за 10 лет не произошло значимых изменений в позиции АЗРФ в целом по отношению к среднероссийскому показателю (последний не включает в себя данные по городам федерального значения); сохранился характер различий между регионами. Вместе с тем определенные подвижки произошли. С 2018 г. стабильно улучшается ситуация в Мурманской области, обеспеченная в значительной степени Мурманском и Кольским МР (в последнем рассматриваемый показатель в 2013–2017 гг. превышал 30 %). В данном случае, по всей видимости, дала результаты федеральная поддержка территории, причем сразу по нескольким направлениям (в дополнение к названным, можно выделить реализацию в рамках федеральной транспортной политики проекта «Комплексное развитие Мурманского транспортного узла»). Аналогичная ситуация по Чукотскому АО. Вместе с тем стоит отметить, что федеральная поддержка не дает пока видимых результатов в Карелии (по этому региону в 2014 г. была утверждена отдельная федеральная целевая программа, непосредственно в арктической Костомукше была создана территория опережающего развития¹).

Картина дифференциации муниципалитетов по доле социальных выплат в их сумме с налогооблагаемым доходами также остается в значительной степени неизменной. Имеющиеся исключения связаны либо с уже названными отдельными примерами актив-

¹ Постановление Правительства РФ от 09.06.2015 № 570. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=41ED207B103FCBC246752D79E89C90E&mode=searchcard&rnd=BDFD594035488C03C9DE9F4D78807AFC&base=LAW&n=466967#ovH0zAUIB5qsqQC51> (дата обращения: 20.09.2023) и от 12.02.2019 № 122. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?BASENODE=1-1&req=doc&cacheid=6B76546F6C2B3A6C6C24E2E05B1867C6&mode=searchcard&rnd=BDFD594035488C03C9DE9F4D78807AFC&base=LAW&n=452785#XxW0zAUWq4bK0Xyr1> (дата обращения: 20.09.2023).

Таблица 3

Доля социальных выплат в сумме социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения по муниципальным образованиям АЗРФ, %

Table 3

The share of social benefits in the sum of social benefits and taxable income of the population by municipalities of the Russian Arctic, %

Регионы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РФ*	26,1	26,8	28,8	30,9	30,6	30,4	28,5	27,3	27,2	25,1
АЗРФ	18,6	19,1	19,2	21,1	20,2	20,5	19,4	19,4	18,7	17,1
АЗРФ в Республике Карелия	33,9	35,7	35,9	39,7	39,7	39,2	36,9	37,1	33,7	35,1
Респ. Карелия	35,1	35,0	39,9	39,0	36,5	36,3	32,5	33,3	35,1	35,0
АЗРФ в Респ. Коми	18,9	19,6	18,5	22,4	22,2	22,8	22,2	21,9	22,5	23,6
Республика Коми	24,0	25,7	29,1	28,7	27,4	27,7	27,0	27,7	24,0	25,7
АЗРФ в Архангельской обл.	27,4	28,4	26,5	27,7	27,9	28,1	26,3	26,2	27,5	24,4
Архангельская обл.	31,0	30,0	31,3	31,8	30,0	29,6	31,3	28,7	31,0	30,0
Ненецкий АО	14,5	13,5	11,9	16,1	16,1	19,6	17,1	17,6	17,7	17,5
Мурманская обл.	26,3	27,1	26,9	29,5	28,6	29,3	26,6	26,0	23,7	19,2
ЯНАО	10,3	10,6	11,5	13,0	11,5	11,8	11,5	12,2	11,9	11,7
АЗРФ в Красноярском крае	12,5	13,0	13,8	14,8	14,6	13,8	13,6	13,3	12,1	11,2
Красноярский край	21,0	24,3	26,8	26,1	24,7	23,6	24,0	21,5	21,0	24,3
АЗРФ в Республике Саха (Якутия)	31,9	28,3	29,5	29,4	28,7	30,6	28,7	27,1	30,0	27,4
Респ. Саха (Якутия)	20,4	22,4	22,9	23,1	21,0	20,5	22,5	20,3	20,4	22,4
Чукотский АО	15,3	15,9	16,0	17,6	15,1	17,3	17,5	15,5	13,5	12,9

* без городов федерального значения

Источник: расчеты автора по данным Росстата, <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения 15.09.2023))

ного и при этом относительно диверсифицированного развития при поддержке мер федеральной политики (о широкомасштабной диверсификации в Арктике говорить, конечно, не приходится, речь идет о сочетании развития промышленности и морских портов, развитии третичного сектора в центральных городах), либо со значимым изменением ситуации в добывающей промышленности, играющей ключевую роль в экономике муниципалитетов. Причем во втором случае изменения могут быть как негативными, в случае ухудшения положения и даже закрытия крупных предприятий в старых районах добычи (примерами являются угледобывающие муниципалитеты Республики Коми, Анабарский МР в Якутии), так и позитивными, связанными с началом освоения новых крупных месторождений (как в случае Оленёкского МР в Якутии, где началась разработка Томторского месторождения редкоземельных металлов, Ловозерского МР в Мурманской области).

Заключение

Проведенный нами анализ показывает, что федеральная арктическая политика,

связанная с поддержкой инвесторов, способствует скорее закреплению и усилению сложившихся трендов пространственного развития АЗРФ, нежели сокращению межмуниципальных различий. Введенный преференциальный режим востребован инвесторами преимущественно там, где есть условия для развития разнообразных видов деятельности, диверсификации экономики, а это, прежде всего, ключевые города и городские агломерации. Это обстоятельство нельзя не принимать во внимание в ходе дальнейшего становления государственной пространственной политики. Учитывая значимость АЗРФ в целом как приоритетной геостратегической территории, а также отнюдь не самые высокие на фоне всех российских регионов показатели социально-экономического развития наиболее привлекательных для инвесторов территорий — Архангельской и Мурманской областей — вряд ли целесообразно предлагать ослабление мер поддержки привлекаемых в них инвесторов. Но важно будет определить направления развития и меры поддержки тех муниципалитетов, которые пока не вовлечены или крайне слабо вовлечены в действие специальных

преференциальных режимов, и это потребует определенной работы со стороны как органов власти, так и исследователей.

Другое дело, что дискуссионным и выходящим за рамки данной статьи вопросом является распределение ответственности за развитие периферийных муниципалитетов, за сокращение межмуниципальных различий между федеральными и региональными органами власти. На наш взгляд, в силу сложности этих задач определенное участие федеральных властей в их решении необходимо, и нельзя задачу сокращения экономической дифференциации муниципалитетов возлагать исключительно на органы власти субъектов РФ. В любом случае аналитический мониторинг пространственного развития в разрезе муниципальных образований должен быть налажен именно на федеральном уровне, и обязательной его ком-

понентой должна быть оценка дифференциации территорий по получаемой ими федеральной поддержке.

Результаты нашего исследования также показали возможности использования данных Федеральной налоговой службы для оценки социально-экономического положения муниципалитетов, и статистика ФНС заслуживает гораздо больше внимания в научных исследованиях. Данные ФНС, дополняя данные Росстата, могут существенно расширить представления о ситуации в арктических муниципалитетах, однако для этого необходимо дальнейшее совершенствование форматов публикуемой ФНС отчетности. Прежде всего, необходима публикация сводных данных по городским округам, муниципальным округам и районам хотя бы в пределах отдельных субъектов РФ, что является вполне реализуемой задачей.

Список источников

- Гончаров, Р. В., Данькин, М. А., Замятина, Н. Ю., Молодцова, В. А. (2021). Соборы в пустыне или опорные базы? Типология населенных пунктов Российской Арктики по характеру взаимосвязей с окружающей территорией. *Городские исследования и практики*, 5(1), 33-56. <https://doi.org/10.17323/usp51202033-56>
- Дружинин, А. Г., Лялина, А. В. (2020). Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация. *Геополитика и экогеодинамика регионов*, 6(2), 20-35.
- Душкова, Д. О., Тикуннов, В. С., Черешня, О. Ю. (2019). Методика оценки общественного здоровья на уровне муниципальных образований на примере Архангельской области. *География и природные ресурсы*, (1), 127-136.
- Захарчук, Е. А. (2019). Пространственная структура формирования добавленной стоимости арктических территорий. *Экономика региона*, 15(2), 391-408.
- Захарчук, Е. А., Трифонова, П. С. (2018). Дифференциация арктических территорий по уровню финансовой обеспеченности. *Известия Уральского государственного горного университета*, (4), 143-151.
- Казакова, С. М., Климанов, В. В. (2022). Трансформация целей развития Арктической зоны Российской Федерации. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, (1), 96-110.
- Ковалева, О. М. (2021). Миграционные тенденции в Арктической зоне России в 2012–2019 годах. *Народонаселение*, 24(4), 147-160. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.12>
- Корчак, Е. А. (2023). Проблемы и возможности развития моногородов российской Арктики. *Арктика и Север*, (50), 23-46. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.23>
- Корчак, Е. А., Серова, Н. А. (2019). Полярные взгляды на Заполярье: арктическая политика России и зарубежных стран. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 12(5), 145-159. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-5-145-159>
- Кузнецов, А. В., Кузнецова, О. В. (ред.). (2015). *Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии*. Москва: ИМЭМО РАН, 137.
- Кузнецова, О. В. (2022). Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России. *Региональные исследования*, (2), 16-24. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2>
- Лажинцев, В. Н. (2022). *Социально-экономические проблемы Севера России: сборник авторских статей по северо-арктической тематике*. ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
- Лексин, В. Н., Порфирьев, Б. Н. (2019). Развитие российской Арктики как предмет государственного управления: новые оценки и решения. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 12(5), 69-85. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-5-69-85>
- Лексин, В. Н., Порфирьев, Б. Н. (2021). Государственная арктическая политика России. *Федерализм*, 26(1), 15-43. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-15-43>
- Лексин, В. Н., Порфирьев, Б. Н. (2021). Уникальность российской Арктики как объекта государственного управления. *Вестник Института мировых цивилизаций*, 12(3), 71-80.
- Лексин, В. Н., Порфирьев, Б. Н. (2022). Другая Арктика: опыт системной диагностики. *Проблемы прогнозирования*, (1), 34-44. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-190-34-44>

Логинов, В. Г., Захарчук, Е. А., Пасынков, А. Ф., Максимчик, М. А. (2020). Финансовые аспекты использования вахтового метода в Арктическом регионе (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа). *Креативная экономика*, 14(12), 3581–3600. <https://doi.org/10.18334/ce.14.12.111378>

Пилясов, А. Н. (2018). Арктическая диагностика: плох не метр — явление другое. *Север и рынок: формирование экономического порядка*, (5), 35–54. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.35-54>

Пилясов, А. Н. (2023). *Арктическая промышленность и промышленная политика: опыт развития в последние десятилетия*. Москва; Смоленск: Универсум.

Пилясов, А. Н. (ред.). (2022). *Освоение Арктики 2.0: Продолжение традиций советских исследований*. Москва: КРАСАНД.

Пилясов, А. Н., Молодцова, В. А. (2021). Жизнестойкость арктических городов России: методологические подходы и количественные оценки. *Известия Коми научного центра УрО РАН*, (2), 5–26. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2021-2-5-26>

Пилясов, А. Н., Потураева, А. В. (2021). Арктический фасад России: современное состояние, вызовы неравномерного развития и приоритетные меры государственной политики. *Вестник СПбГУ. Науки о Земле*, 66(4), 734–758. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.406>

Плисецкий, Е. Е., Малицкая, Е. А. (2017). Специфика государственного и муниципального управления развитием монопрофильных муниципальных образований в Арктической зоне Российской Федерации. *Арктика и Север*, (26), 85–97. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.26.85>

Порфирьев, Б. Н. (ред.). (2018). *Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы*. Москва: Издательство «Научный консультант», 802.

Скуфьина, Т. П., Корчак, Е. А. (ред.). (2021). *Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учетом геополитических, макроэкономических, экологических и минерально-сырьевых факторов*. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 209.

Татаркин, А. И., Захарчук, Е. А., Пасынков, А. Ф. (2015). *Арктические территории России: формирование стабильных районов и обоснование возможностей финансового развития*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 186.

Тимошенко, А. И. (2011). Российская региональная политика в Арктике в XX–XXI вв.: проблемы стратегической преемственности. *Арктика и Север*, (4), 1–13.

Фаузер, В. В., Лыткина, Т. С., Смирнов, А. В. (2017). Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности. *Арктика: экология и экономика*, (4), 18–29. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2017-4-18-31>

Фаузер, В. В., Лыткина, Т. С., Фаузер, Г. Н. (2016). Особенности расселения населения в Арктической зоне России. *Арктика: экология и экономика*, (2), 40–50.

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Лыткина, Т. С., Фаузер, Г. Н. (2022). *Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение*. Москва: Политическая энциклопедия, 215.

Цукерман, В. А. (ред.). (2022). *Инновационное развитие промышленности регионов Арктики: проблемы и перспективы*. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 138. <https://doi.org/10.37614/978.5.91137.462.4>

Шакирова, Д. Ф., Бадина, С. В., Панкратов, А. А. (2022). Подходы к типологии муниципальных образований Арктической зоны Российской Федерации. *ИнтерКарто. ИнтерГИС*, 28(2), 69–85. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2022-2-28-69-85>

Garcilazo, J. E., & Martins, J. O. (2020). New trends in regional policy: place-based component and structural policies. In: M. M. Fischer, P. Nijkamp (Eds.), *Handbook of Regional Science* (pp. 1–22). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-36203-3_139-1

References

Druzhinin, A., & Lialina, A. (2020). The Russian coastal municipalities: conceptualization, identification, classification. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov [Geopolitics and ecogeodynamics of regions]*, 6(2), 20–35. (In Russ.)

Dushkova, D. O., Tikunov, V. S., & Cheresnaya, O. Yu. (2019). Methodology for assessment of public health at the municipalities level (a case study of Arkhangelsk oblast). *Geografiya i prirodnye resursy [Geography and Natural Resources]*, (1), 127–136.

Fauzer, V. V., Lytkina, T. S., & Fauzer, G. N. (2016). Features of population settlement in the Arctic zone of Russia. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: ecology and economy]*, (2), 40–50. (In Russ.)

Fauzer, V. V., Lytkina, T. S., & Smirnov, A. V. (2017). Arctic territories differentiation by density of population and economic development. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: ecology and economy]*, (4), 18–29. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2017-4-18-31> (In Russ.)

Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., Lytkina, T. S., & Fauzer, G. N. (2022). *Rossiyskaya i Mirovaya Arktika: naselenie, ekonomika, rasselenie [Russian and World Arctic: population, economy, settlement]*. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya. (In Russ.)

Garcilazo, J. E., & Martins, J. O. (2020). New trends in regional policy: place-based component and structural policies. In: M. M. Fischer, P. Nijkamp (Eds.), *Handbook of Regional Science* (pp. 1–22). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-36203-3_139-1

- Goncharov, R. V., Dankin, M. A., Zamiatina, N. Y., & Molodtsova, V. A. (2021). Cathedrals the desert or strongholds? The typology of the settlements in the Russian Arctic by their interconnections with the surrounding territory. *Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban studies and practices]*, 5(1), 33-56. <https://doi.org/10.17323/usp51202033-56> (In Russ.)
- Kazakova, S. M., & Klimanov, V. V. (2022). Transformation of the development goals of the Russian Arctic. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski [State and Municipal Management. Scholar Notes]*, (1), 96-110. (In Russ.)
- Korchak, E. A. (2023). Challenges and Opportunities for the Development of Single-Industry Towns in the Russian Arctic. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, (50), 23-46. (In Russ.)
- Korchak, E. A., & Serova, N. A. (2019). Polar Views on the Arctic: Arctic Policies of Russia and Circumpolar Countries. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]*, 12(5), 145-159. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-5-145-159>. (In Russ.)
- Kovaleva, O. M. (2021). Migration trends in the Arctic zone of Russia in 2012–2019. *Narodonaselenie [Population]*, 21(4), 147-160. (In Russ.)
- Kuznetsov, A. V., & Kuznetsova, O. V. (Eds.). (2015). *Regionalnaya politika: zarubezhnyy opyt i rossiyskie realii [Regional Policy: Foreign Experience and Russian Realities]*. Moscow, 137. (In Russ.)
- Kuznetsova, O. V. (2022). Development of municipal issues in the state spatial policy of Russia. *Regionalnye issledovaniya [Regional research]*, (2), 16-24. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2> (In Russ.)
- Lazhentsev, V. N. (2022). *Sotsialno-ekonomicheskie problemy Severa Rossii: sbornik avtorskikh statey po severo-arkticheskoy tematike [Socio-economic problems of the North of Russia. Collection of author's articles on the North Arctic theme]*. Syktyvkar: Federal Research Center Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 296. (In Russ.)
- Leksin, V. N., & Porfiriev, B. N. (2021). State Arctic Policy of Russia. *Federalizm [Federalism]*, 26(1), 15-43. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-15-43> (In Russ.)
- Leksin, V. N., & Porfiriev, B. N. (2021). The uniqueness of the Russian Arctic as an object of public administration. *Vestnik Instituta Mirovykh Tsivilizatsiy [Bulletin of the Institute of World Civilizations]*, 12(3), 71-80. (In Russ.)
- Leksin, V. N., & Porfiriev, B. N. (2022). The other Arctic: Experience in System Diagnostics. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, (1), 34-44. <https://doi.org/10.1134/S1075700722010105> (In Russ.)
- Leksin, V. N., & Porfiriev, B. N. (2019). Russian Arctic: The Logic and Paradoxes of Changes. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]*, 12(5), 69-85. (In Russ.)
- Loginov, V. G., Zakharchuk, E. A., Pasyukov, A. F., & Maksimchik, M. A. (2020). Financial aspects of the rotation based work in the Arctic region (on the example of the Yamalo-Nenets Autonomous District). *Kreativnaya ekonomika [Creative economy]*, 14(12), 3581–3600. (In Russ.)
- Pilyasov, A. N. (2018). Arctic diagnostics: bad is not a meter — this is another phenomenon. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo porjadka [The North and the market: forming the economic order]*, (5), 35-54. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.35-54> (In Russ.)
- Pilyasov, A. N. (2023). *Arkticheskaya promyshlennost i promyshlennaya politika: opyt razvitiya v poslednie desyatiletiya [Arctic Industry and Industrial Policy: Development Experience in Recent Decades]*. Moscow, Smolensk, Universum, 276. (In Russ.)
- Pilyasov, A. N. (Ed.). (2022). *Osvoenie Arktiki 2.0: Prodolzhenie traditsiy sovetskikh issledovaniy [Arctic Exploration 2.0: Continuation of the Traditions of Soviet Research]*. Moscow: Krasand, 432. (In Russ.)
- Pilyasov, A. N., & Molodtsova, V. A. (2021). Resilience of Russian Arctic cities: methodological approaches and quantitative assessments. *Izvestiya Komi Nauchnogo Tsentra UrO RAN [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]*, (2), 5-26. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2021-2-5-26> (In Russ.)
- Pilyasov, A. N., & Poturaeva, A. V. (2021). Russia's Arctic facade: current state, challenges of uneven development and priority public policy measures. *Vestnik SPbGU. Nauki o Zemle [Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences]*, 66(4), 734-758. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2021.406> (In Russ.)
- Pliseckij, E. E., & Malitskaya, E. A. (2017). The features of state and municipal management of the development of single-industry settlements in the Arctic zone of the Russian Federation. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, (26), 85-97. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.26.85> (In Russ.)
- Porfiriev, B. N. (Ed.). (2018). *Sotsialno-ekonomicheskaya problematika Rossiyskoy Arktiki v issledovaniyakh institutov Rossiyskoy akademii nauk: istoriya, sovremennost, perspektivy [Socio-economic problems of the Russian Arctic in research institutes of the Russian Academy of Sciences: history, modernity, prospects]*. Moscow: Scientific Consultant, 802. (In Russ.)
- Shakirova, D. F., Badina, S. V., & Pankratov, A. A. (2022). Approaches to the typology of Russian Arctic zone municipalities annotation. *InterKarto. InterGIS [InterCarto. InterGIS]*, 28(2), 69-85. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2022-2-28-69-85> (In Russ.)
- Skufina, T. P., & Korchak, E. A. (Eds.). (2021). *Sotsialno-ekonomicheskaya dinamika i perspektivy razvitiya rossiyskoy Arktiki s uchetom geopoliticheskikh, makroekonomicheskikh, ekologicheskikh i mineralno-syrevykh faktorov [Socio-economic dynamics and prospects for the development of the Russian Arctic, taking into account geopolitical,*

macroeconomic, environmental and mineral resource factors]. Apatity: Kola Research Center of the Russian Academy of Sciences, 209. (In Russ.)

Tatarkin, A. I., Zakharchuk, E. A., & Pasyukov, A. F. (2015). *Arkticheskie territorii Rossii: formirovanie statisticheskikh rayonov i obosnovanie vozmozhnostey finansovogo razvitiya [Arctic territories of Russia: formation of statistical areas and justification of financial development opportunities]*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB RAS, 186. (In Russ.)

Timoshenko, A. I. (2011). The Russian region policy in the Arctic in the XX–XXI centuries: problems of strategic continuity. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, (4), 1–13. (In Russ.)

Tsukerman, V. A. (Ed.). (2022). *Innovatsionnoe razvitie promyshlennosti regionov Arktiki: problemy i perspektivy [Innovative development of industry in the Arctic regions: problems and prospects]*. Apatity: Kola Research Center of the Russian Academy of Sciences, 138. (In Russ.)

Zakharchuk, E. A. (2019). Spatial structure of the formation of value added in the Arctic territories. *Ekonomika Regiona [Economy of Region]*, 15(2), 391–408. (In Russ.)

Zakharchuk, E. A., & Trifonova, P. S. (2018). Differentiation of the Arctic territories by the level of financial security. *Izvestiya Uralskogo Gosudarstvennogo Gornogo Universiteta [News of the Ural State Mining University]*, (4), 143–151. (In Russ.)

Информация об авторе

Кузнецова Ольга Владимировна — доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; <http://orcid.org/0000-0003-4341-0934>; Scopus Author ID: 57204369406 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47; e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru).

About the author

Olga V. Kuznetsova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of RAS, Chief Research Associate, Institute of Economic Forecasting of RAS; <http://orcid.org/0000-0003-4341-0934>; Scopus Author ID: 57204369406 (47, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 31.10.2023.

Прошла рецензирование: 12.12.2023.

Принято решение о публикации: 22.03.2024.

Received: 31 Oct 2023.

Reviewed: 12 Dec 2023.

Accepted: 22 Mar 2024.